

белокурых, похожих на солому волос, потому что русское «полова» (церковнославянское «плова») значит «солома». Расовский подвел итог ученым спорам по этому поводу, указав на возражения Миклошича, Блау, Куна, Вамбери, Бретшнейдера и установив, что «долго оспариваемая эта конъектура теперь окончательно принята»¹⁵. При этом он сослался на авторитет Иосифа Маркварта и на весьма компетентных рецензентов его труда¹⁶.

Расовский отметил также, что возникали серьезные сомнения относительно вышеуказанной этимологии — именно из-за того, что едва ли турки-кочевники могли быть светловолосыми. Однако, как он говорит, «все источники, описывающие внешний вид половцев, единодушно сходятся в характеристике их как народа рослого, стройного, красивого и светловолосого»¹⁷. Последний эпитет между тем не подтверждается сколько-нибудь авторитетными источниками. Приведенные же Расовским аргументы в пользу белокурости половцев не опираются на аутентичные источники, каковыми в этом случае могут быть лишь памятники письменности народов, с ними близко соприкасавшихся, прежде всего русских и византийцев.

Русского описания половцев в источниках не сохранилось. В летописях встречаются лишь различные отрицательные эпитеты¹⁸, но общего рассказа о половцах как о племени (они «иноплеменники») нет. Его, пожалуй, и не могло быть, так как половцы, при всей серьезности и опасности встреч с ними, стали, если можно так выразиться, обыденным явлением в жизни русских людей. Лишь изредка в источниках можно найти упоминания некоторых их особенностей, не свойственных ни русским, ни полякам, ни венграм, ни византийцам, воевавшим с половцами.

Таково живописное, хотя и краткое изображение в летописи ночного выезда половецкого хана Боняка в поле накануне битвы под Перемышлем в 1097 г. Боняк гадал об исходе предстоящего сражения половцев — союзников владимирского князя Давида Игоревича — против венгров — союзников Ярослава, сына киевского князя Святополка Изяславича: «Яко бысть полунощи, и встав Боняк, отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози»¹⁹. Этими словами летописец нарисовал подлинно живописную, яркую и жуткую картину половецкого гаданья и посредством нее передал одну из черт, присущих верованиям кочевнического народа²⁰. В более полном описании — здесь или в другой части летописи — не было надобности: спустя уже полвека после своего прихода в южнорусские степи половцы были вполне знакомым явлением. Летописца едва ли даже интересовала вообще та или иная ха-

¹⁵ Расовский Д. А. Указ. соч., с. 255, примеч. 22.

¹⁶ Marquart J. Über das Volkstum der Komänen. — Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Klasse, N. F., 1914, XIII, 1, 1914, S. 28—29. См. рецензии: Pelliot P. A propos des Comans. — Journal asiatique, XI série, 1920, t. XV, N 1; Бартольд В. В. Новый труд о половцах. — Русский исторический журнал, 1921, кн. VII. См. также: Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. II, с. 57—59.

¹⁷ Расовский Д. А. Указ. соч., с. 258.

¹⁸ Общий эпитет половцев в древнерусских летописях — «поганые», что является не только указанием на их язычество, но и общим порицательным их прозвищем. Иногда они называются «беззаконными», «окаянными» («окаянный»). Половецкий хан Боняк охарактеризован как «безбожный, шелудивый... хыщник» (ПВЛ, 1, с. 151).

¹⁹ ПВЛ, 1, с. 179.

²⁰ О ночном вое по-волчьи, раздававшемся из рядов кочевников-угров, писал автор «Паннонского жития» Константина Философа (конец IX в.). В 856—858 гг. Константин ездил в Хазарию; его путь лежал через Таврику. Где-то между Херсоном и Сутдеей (Сурожем) на Константина напали угры: «Возврати же ся философ в свой путь и в первый час (т. е. глубокой ночью. — Е. С.) молитву творящу ему, нападоша на нь угри, яко и волчскы воюще, хотише и убити» (Бодянский И. М. Кирилл и Мефодий. Собрание памятников... — Чтение в Обществе истории и древностей при Московском университете, 1865, январь—март, кн. 1, с. 12).